

Глава 22. Военный смотр

Гул барабанов сливался со звоном пипы — музыка лилась яростная, торжественная, пробирающая до самых костей.

— Подобная музыка может звучать лишь в небесных чертогах... — затаив дыхание, прошептал один из послов. — Но кто этот человек в алом?

— Бог войны. Ланьлин-ван, — ответил император Ци прежде, чем кто-либо успел вставить слово.

Посланник явно не ожидал, что государь снизойдёт до ответа лично, и поспешно, со всем почтением склонил голову.

Аомуга не любил лишних сложностей. Кем был легендарный герой древности, его не заботило, а вот к самому исполнителю танца каган приковал плотоядный, живой интерес.

Мелодия стремительно ускорялась, взлетая к безумному пику, и вдруг оборвалась на полуслове. На надвратной башне воцарилась секундная тишина, сменившаяся шквалом рукоплесканий и восторженных возгласов.

Император вопросительно взглянул на Фушоу. Старый евнух понимающе покачал головой — он и сам пребывал в неведении.

Музыканты медленно покинули площадь, и лишь фигура в алом осталась стоять посреди пустого пространства, гордая и одинокая.

Церемония шла своим чередом.

— Пали!

Грохот орудий раскатился над столицей государства Ци, заставив горожан испуганно выбежать на улицы, высматривая источник шума. На самой площади у врат все взгляды сошлись на одиноком всаднике в алом. Если всё устроено именно так, значит, этот человек...

Едва стих отзвук шестидесятого, завершающего залпа, Цзи Яо плавным движением снял маску.

— Смиренно прошу Ваше Величество начать смотр войск!

Наряд Цзи Яо сегодня сшили с хитростью: стоило лишь отпустить прихваченный пояс и

расправить полы, как просторные алые одежды на глазах превратились в строгое, величественное парадное одеяние принца.

Спустившись с надвратной башни, император Ци вместе с иностранными послами взошёл на роскошную колесницу, которая медленно покатила сквозь Врата Вечного Покоя. Цзи Яо легко взлетел в седло. И вблизи, и издалека он казался сошедшим с полотна небожителем — безупречный, чистый и благородный.

— Начать смотреть! — разнёсся его звонкий голос.

Посланники следовали за императорским выездом, во все глаза глядя по сторонам.

По обеим сторонам улицы Вечного Покоя застыли стройные, бесконечные шеренги воинов.

— Слава верным воинам Великого Ци! — прозвучал голос императора.

— Слава государству! Враг преклонит колени! — громовым эхом отозвались тысячи глоток.

— Слава верным воинам Великого Ци!

— Наша держава не знает равных! Мы непобедимы!

Иноземные послы оцепенели от этого оглушительного рёва. Никто не решался издать ни звука, они лишь испуганно переглядывались.

Столкнувшись с армией Ци лицом к лицу, иноземцы ощутили исходившую от неё волну первобытной, бьющей через край юношеской силы и ярости. Даже высокомерный Аомуга посерьёзнел и нахмурился.

Цзи Яо ехал впереди, сдерживая шаг коня, чтобы колесница государя не отставала. Всюду, где проезжал император, воины вытягивались в струну и вскидывали руку в приветствии. Они выкрикивали здравицы изо всех сил, а они были так решительны, что ни у кого не возникло бы и тени сомнения в их абсолютной преданности короне.

Простые горожане, теснившиеся поодаль, восторженно гудели:

— Пресвятые предки, вот так благодать! Сам батюшка-император мимо наших ворот проехал!

— А впереди кто, на лихом скакуне?

— Глаза разуй! С такой-то статью да лицом краше зари — ясное дело, седьмой принц!

— Он самый! Во время великого мора мне повезло его мельком повидать. Уж на что благороден лицом, а душой и вовсе чистый ангел! — Говоривший с гордостью выставил вверх большой палец.

— А позади него... это чужеземные повозки?

— Должно быть. Вишь, во что вырядились — сразу видать, не наши люди, не из Ци.

Внимая громовым кличам солдат, кто-то с облегчением выдохнул:

— Эх, а я-то, дурак, всю плешь себе проел, думал — война на пороге. Да с таким-то воинством какой супостат на нас сунуться посмеет?

— Поговаривают, это дикари из Великого Ди окаянного удумали нас прижать. Вот седьмой принц и измыслил этот смотр, дабы спесь с них сбить. Говорят, он самолично этих молодцов муштровал! — вклинился в разговор знающий человек.

— Неужто правда? Ну и силён принц, истинный гений!

— Да уж, краше весеннего утра, а как о народе печётся! И умом не обделён, и храбростью. Вот кабы его в наследники престола прочили... Глядишь, и зажили бы мы как в сказке.

— Ш-ш-ш, тише ты, ополоумел?! Стены имеют уши...

— Принц-то до сих пор бобылем ходит. Интересно, какой девице такое счастье привалит?

— Ты дурак или глухой? Забыл, что про него говорят? Он же дев губит, проклятье на нём!

— Да какая разница! Будь у меня хоть сын, я бы и его за такого красавца выдать не пожалела!

Цзи Яо не слышал этих досужих разговоров, зато прекрасно видел взгляды солдат. На него смотрели с благоговейным восторгом и преданностью. И дело было не только в том, что он до седьмого пота гонял их на тренировках. Намного глубже в их души запали его слова о том, что каждый воин ценен и равен перед лицом долга. Именно это пробудило в них истинную гордость.

Колесница проехала от начала строя до самого конца и повернула обратно, но в свите послов по-прежнему царило гробовое молчание.

«И это вы ещё ничего не видели», — усмехнулся про себя Цзи Яо.

Смотр подошёл к концу. Он спешил и вернулся на надвратную башню, заняв своё место среди братьев-принцев. Те встретили его целой гаммой чувств: кто-то смотрел с недоумением, кто-то — с откровенной яростью. Цзи Яо с безразличным видом проигнорировал их всех.

Император взглянул на сына. В его молчаливом взоре Цзи Яо безошибочно прочитал одобрение. Затем государь кивнул генералу Чжану, давая знак продолжить церемонию.

У подножия Врат Вечного Покоя строй пришёл в движение, меняя очертания. Вдоль дороги выстроились караульные — ровно по одному человеку на каждые тридцать шагов, образуя безупречно прямую живую изгородь.

— Строй — маршем, вперёд! — зычно скомандовал генерал Чжан.

— Перед вами пехотный строй, — вещал тот, чеканя слова. — Самое многочисленное крыло нашей армии. Великолепно обученные, закалённые бойцы, готовые сокрушить любого врага!

У иноземных послов при виде марширующих колонн едва глаза на лоб не полезли.

— Невероятно... Никогда не видел столь идеального строя! Они движутся единой монолитной стеной, словно одна огромная повозка!

— Посмотрите на их шаг! Это же уму непостижимо!

Генерал Пан благосклонно разъяснил, не скрывая законной гордости:

— Это парадный строевой шаг нашей армии, мы используем его для смотров и торжеств. Помимо него солдаты владеют походным шагом, бегом и церемониальным маршем. Каждому движению своё время.

— Поразительно, истинно поразительно... — бормотали послы, поспешно кивая.

— Раз, два, три, четыре! Равнение на... караул! — Раскатистый счёт сотен глоток потряс воздух.

Они одновременно вскинули руки в приветствии, будто подчинённые единому механизму — ни одного сбоя, угол наклона выверен до миллиметра.

— Какое единообразие... Господи, это просто невероятно!

— А это стрелковый строй, — продолжал представлять войска генерал Чжан. — Во главе строя идут два лучших лучника империи. Способны на расстоянии в сто шагов расщепить стрелой

ивовой лист.

— И они тоже маршируют с такой пугающей точностью? — ахнул кто-то из свиты.

— Разумеется, — негромко подал голос Цзи Яо. — Строевой устав един для всех родов войск Государства Ци.

В этой короткой реплике крылась пугающая истина: армия государства дисциплинирована до мозга костей, подчинена единому закону, а вся полнота власти безраздельно сосредоточена в руках императора. Никакой раздробленности, никаких вольностей среди военачальников. Монолит, не знающий брешей. А сплочённость войска — это прямое отражение силы и единства самого государства.

Послы дружно сглотнули, ощутив, как по спинам пополз липкий холодок.

— Перед вами осадные орудия. Обладают чудовищной дальностью стрельбы и сокрушительной мощностью.

Мимо трибуны потащились громоздкие, окованные железом катапульты и баллисты, от одного вида которых веяло смертью.

У послов перехватило дыхание. Зачем Государство Ци выставляет напоказ свои секретные разработки? Разве это не безумие — раскрывать карты перед потенциальными врагами? Но стоило им задуматься, как пришло горькое понимание. Ни у одного из сопредельных государств просто не хватит ни золота, ни мастеров, чтобы воссоздать нечто подобное. Демонстрация силы преследовала лишь одну цель — выжечь в умах чужеземцев саму мысль о возможном бунте.

— Кавалерия, — лаконично объявил генерал. Впрочем, здесь слова были излишни.

Глядя на всадников, послы едва не лишились дара речи: даже кони под сёдлами шли в ногу, выдерживая одинаковую длину шага! Это походило на какое-то колдовство.

Заставить скотину подчиняться человеку — труд адский, понятный лишь тем, кто сам укрощал степных скакунов. И то, что кони Государства Ци повиновались малейшему движению повода, превращало кавалерию в неостановимое, смертоносное оружие. Разумеется, в толпе зевак это зрелище тут же обросло слухами: дескать, боевые скакуны — твари разумные, а повинуются они лично седьмому принцу, ведь он отмечен небесным благословением.

Перед изумлёнными гостями нескончаемой вереницей прошли пехотинцы, латники, лёгкая и тяжёлая конница, колесничие, лучники, речные воины, строители укреплений, обозники и снабженцы. Но самое сильное потрясение ждало их впереди.

— Генерал Пан, позвольте узнать... Кто следует за обозом снабжения? — удивлённо спросил один из послов, щурясь.

— Это повара и кухонная служба нашей армии.

— Что?! Кухарское воинство?! — Посол решил, что ослышался.

Аомуга, отчаянно пытавшийся нащупать хоть какую-то слабинку, язвительно хмыкнул:

— Простые кашевары? Сброд, марающий руки в саже. Стоило ли вообще выводить их перед гостями?

Надо признать, тут его мысли совпадали с мнением большинства: даже среди подданных государства кухонные слуги считались низшим сословием, недостойным славы воина.

Однако шедший следом отряд поваров чеканил шаг ничуть не хуже отборных гвардейцев. Не зная заранее, никто бы в жизни не догадался, что эти подтянутые, крепкие мужчины проводят дни у дымящих котлов. И пускай многие из них уступали латникам в росте — сам великий канцлер Хун Цю когда-то начинал простым кашеваром.

— Каган заблуждается, — спокойно возразил Цзи Яо.

Глядя на проходящий внизу строй, он вспомнил, в каком священном трепете пребывали эти люди, когда их только отобрали для смотра. Тогда он сказал им: «Пусть вы кашевары, но вы такие же воины государства. Если сами себя не станете презирать, то и другим не позволите».

— Сколько воды удержит бочка, зависит не от самых длинных досок, а от самой короткой, — добавил он, обернувшись к степняку. — Если короткая доска крепка и высока, бочка будет полна. Впрочем, у нашего государства слабых мест попросту нет.

Аомуга вновь почувствовал, будто его ткнули носом в грязь, и лишь злобно засопел, не найдя достойного ответа.

Смотр завершился далеко за полдень. Животы у всех давно подвели от голода, однако иностранным послам кусок в горло не лез. Каждому из них владыки поручили прощупать почву и оценить силу Государства Ци, но увиденная пропасть между их карликовыми армиями и этим исполином лишила их всякого аппетита.

Угрюмее всех выглядел каган Аомуга.

Начался торжественный пир, но за столами царила гнетущая атмосфера — гости сидели бледные и задумчивые, едва притрагиваясь к изысканным яствам.

— Седьмой брат превзошёл сам себя, — с деланным восхищением вздохнул восьмой принц, Цзи Ян. — Младший брат искренне поражён вашим величием.

— Да уж, братец, искусно же ты водил нас за нос, — процедил второй принц, Цзи Юань, который смотрел с затаённой злобой.

— На то была воля нашего августейшего отца, — смиренно уклонился от удара Цзи Яо.

А про себя взмолился:

"О великие предки, и ты, Цзи Яньсин, где бы ты там сейчас ни обретался в своей благословенной современной столице... Молю, сделай так, чтобы твой грозный папаша не спустил с меня шкуру, когда узнает, сколько собак я на него повесил!"

— Седьмой брат явил истинную мудрость государственного мужа, мне до него как до луны, — добродушно и вполне искренне заметил старший принц, Цзи Чун.

— Старший брат преувеличивает. Мои скромные усилия — лишь малая лепта во славу государства, — вежливо отозвался Цзи Яо.

— Седьмой, — раздался ленивый голос напротив. Пятый принц, Цзи Ин, приподнял свой кубок. — За твой успех.

— Благодарю, пятый брат.

До этого дня Цзи Яо ни разу не встречался с ним лично, но по заспанному, абсолютно безучастному виду сразу догадался, кто перед ним. Собеседник лишь вяло улыбнулся и отпил вина — догадка оказалась верной.

Пятый принц разительно отличался от своих властолюбивых братьев. Всем своим видом он выражал смертную скуку и желание поскорее оказаться в мягкой постели. В его мире не существовало интриг и борьбы за трон — только сладкий сон.

"Эх, не будь я заперт в этом теле, сам бы с радостью притворился ленивым лежебокой, — с тоской подумал Цзи Яо. — До чего же завидно! Ему повезло родиться под счастливой звездой — спит себе и в ус не дует, никто его не трогает. Не то что бедняга Цзи Яньсин, обделённый судьбой сиротка, у которого вечно всё наперекосяк".

Цзи Яо повернул голову и встретился с тяжёлым, немигающим взглядом Аомуги. Тот крутил в пальцах кубок.

— Седьмой принц оправдал свою славу. Остёр на язык, ничего не скажешь, — процедил каган.

— Слишком щедрая похвала, каган. Рад, что угодил вам, — кротко отозвался Цзи Яо.

Аомуга почувствовал себя так, словно со всей силы ударил кулаком по мягкой перине. Этот невыносимо прекрасный юноша гасил любую агрессию такой безупречной, паточной вежливостью, что у кагана слова застревали в горле. Он был взбешён: «Я же тебя уязвить пытаюсь, идиот!»

Дождавшись конца этого невыносимого пира, Цзи Яо, так и не притронувшись к еде, поспешил откланяться.

Он чувствовал себя мёртвым от усталости. За все свои восемнадцать лет он никогда так не выматывался — весь день прошёл в безумном напряжении, приходилось следить за каждым шорохом, каждым движением и держать лицо перед сворой хищников.

— Господин, — тихо окликнул его Дэбао, подавая плащ.

— Дэбао... — Цзи Яо замялся, глядя на верного слугу. — Ты держишь на меня обиду? Я ведь столько времени водил тебя за нос. Ты... ведь понял, что твой настоящий господин возвращался на время?

Евнух покачал головой. Он не злился — лишь ощущал тихую грусть.

— Позвольте спросить... Мой настоящий хозяин... с ним всё в порядке?

— С ним всё отлично. Думаю, пройдёт несколько дней, и он снова будет здесь, — искренне ответил Цзи Яо. — Так ты правда не злишься на меня?

— Вы ведь тоже не выбирали эту участь, — мягко улыбнулся слуга. — Мне важно лишь то, что с моим господином всё хорошо. А здесь стены имеют уши, не стоит говорить лишнего. Пойдёмте домой, господин.

Дэбао мысленно поклялся, что защитит Цзи Яо точно так же, как защитил бы своего прежнего господина.

Цзи Яо почувствовал, как к горлу подступил тёплый ком. И Фу Ян, и Дэбао, и Хун Цю — все эти люди относились к нему с такой чистой, обезоруживающей искренностью. И теперь они ценили его не просто как безликую тень принца, а именно его, Цзи Яо.

Зал Провозглашения Управления. Внутренние покои

— Всё исполнено? — раздался из полумрака низкий голос государя.

Фушоу низко склонился в поклоне:

— Не беспокойтесь, Ваше Величество. Всё сделано в лучшем виде. — Старый евнух поколебался мгновение, но всё же решился спросить: — Позвольте узнать, к чему такая спешка? Почему бы не позволить событиям идти своим чередом?

— Своим чередом? — Император холодно усмехнулся. — Посмотри на моего второго сына. Думаешь, его непомерная жадность позволит нам ждать?

Днём Фушоу по тайному приказу повелителя распустил по городу и в Павильоне Восьми Направлений нужные слухи. Никакого вранья — лишь чистая правда о том, как усердно тренировал солдат седьмой принц и как обожают его в армии. Император планомерно и расчётливо завоёвывал для сына народную любовь.

— Вода может нести корабль, а может и поглотить его, — задумчиво произнёс государь, бережно поглаживая старый вышитый мешочек для благовоний. — Истинный правитель опирается на две опоры: армию и народ. Преданность войска он уже заслужил. Осталось закрепить за ним любовь простых людей.

— Но... если вознести седьмого принца столь высоко, не навлечёт ли это на него гнев и зависть братьев? Разве это не опасно? — обеспокоенно спросил евнух.

— Это путь, который ему суждено пройти, — император крепко сжал шёлковый мешочек в кулаке. — Если он не сумеет устоять под первыми каплями дождя, как он сможет удержать трон, когда на государство обрушится ураган?

Фушоу лишь безмолвно склонил голову. Судьба седьмого принца была предрешена, и никому не дано знать, куда приведёт этот путь. Но старый слуга знал одно: что бы ни случилось, император сделает всё, чтобы уберечь своего любимого сына.

Поместье генерала Фу

Фу Ян сидел один в полумраке комнаты, тщетно пытаясь разгадать эту безумную шараду. Как его названный брат, с которым они делили все невзгоды с самого детства, вдруг обратился в совершенно другого человека?

Более того, они, оказывается, ухитрились как-то меняться местами! Это выходило за рамки здравого смысла, граничило с безумием, но... глубоко в душе Фу Ян понимал, что загадочный пришелец Цзи Яо не солгал ни в едином слове.

И всё же он наотрез отказывался верить, что настоящий Цзи Яньсин исчез навсегда.

Он опрокинул в себя чарку сладкой наливки из цветов османтуса. Если судить по сегодняшним делам этого самозванца, тот явно не желал зла Великому Ци. Но какие цели он преследует на самом деле? Вдруг он хочет навсегда занять место истинного принца? Но если попытаться избавиться от него, не навредит ли это самому Цзи Яньсину?

Глядя сквозь прозрачное стекло кубка на мерцающий огонёк свечи, молодой генерал чувствовал, как душу разрывают сомнения и глухая тоска.

"Брат... — мысленно позвал он, сжимая кулаки. — Где же ты сейчас?"

<http://bllate.org/book/20677/2182308>